

УДК 94(57), 94(47).081, 94(438).071

Туманик Екатерина Николаевна,
кандидат исторических наук,
Институт истории СО РАН (г. Новосибирск),
kattum@mail.ru

Пример предпринимательской инициативы в Сибири середины 1870-х гг.: судьба Ю. Сивиньского *

Аннотация: Статья посвящена предпринимательской деятельности в Сибири Юзефа Сивиньского – молодого коммерсанта польского происхождения, внесшего свою малую лепту в экономическое освоение края. Работа вводит в отечественный научный оборот новые документы – эпистолярное наследие Ю. Сивиньского, опубликованное в 2013 г. Архив Сивиньского – это не только источник по истории сибирского предпринимательства, но и памятник, позволяющий описать менталитет молодого сибирского «делового человека» того времени, воссоздать его личность. На базе данных материалов рассматривается судьба сибирского предпринимателя как показательный пример вклада в социокультурное и экономическое освоение Зауралья, осуществлявшееся общими усилиями народов многонациональной Российской империи. Путь Ю. Сивиньского во-многом типичен для коммерческих первопроходцев Сибири. В работе освещаются страницы повседневной жизни мелких сибирских предпринимателей, рассматривается структура их бизнеса, проблемы адаптации в местных условиях приезжих коммерсантов как в экономическом ракурсе, так и в сфере частной и семейной жизни. Важно, что в коммерческих планах Сивиньского в Сибири было создание семейного дела. По эпистолярному наследию Ю. Сивиньского восстанавливается процесс вхождения молодого новичка в торгово-предпринимательскую среду Зауралья, механизмы становления бизнеса практически «с нуля». Также в статье сделана попытка воссоздания образа и психологического портрета молодого сибирского предпринимателя пореформенной эпохи (возраст, социальное и материальное положение, уровень образования, личностные характеристики). Тип Ю. Сивиньского надэтничен; на его примере можно охарактеризовать многие типичные проявления имперского сознания, когда на базе национальной идентичности человек ощущает себя гражданином многонационального государства и именно с этих позиций проявляет себя на жизненном поприще, в том числе и в деле торгово-экономического освоения Азиатской России.

Ключевые слова: экономическое освоение Сибири предпринимательство торговля поляки в Сибири история купечества и коммерции.

* Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ (№НШ-219.2014.6).

Вопрос о предпринимательской деятельности в Сибири в середине – второй половине XIX в. выходцев из северо-западных и польских губерний Российской империи представляет собой открытое поле для исследования. Как считает Ф. Новинский, автор фундаментальной работы по истории польской ссылки в Восточной Сибири в период «между восстаниями» (1830-е – начало 1860-х гг.), «самым распространенным занятием польских ссыльных была мелкая торговля». Резюмируя результаты своей монографии, автор подчеркивает: «Часто продавали они предметы, изготовленные кустарным способом, или товары, привезенные из других местностей. Некоторые открывали небольшие предприятия, изготавливающие мыло, свечи, швейцарский сыр, кедровое масло и предметы первой необходимости. Люди более предприимчивые налаживали контакты с богатыми сибирскими купцами и посредничали в продаже их товаров» [1, с. 432]. Этот опыт, что совершенно очевидно, транслировался и далее – на другие поколения ссыльных. Например, известно, что активный участник Январского восстания Людвик Жихлинский, находясь на поселении в Забайкалье в конце 1860-х гг., получил разрешение на торговлю и достаточно успешно ею занимался во время своей пятилетней ссылки, покупая коней и крупный рогатый скот у бурят и поставляя их на золотые прииски [2, с. 183]. Тем не менее, можно сказать, что в отечественной науке пока не сформирован базовый комплекс источников, позволяющий утверждать, что предпринимательская деятельность поляков в Сибири, особенно мелкая, в указанный период была значительным явлением, поэтому сегодня в российской историографии заявления о ее масштабности выглядят несколько аксиоматично.

Возвращаясь на родину, бывшие ссыльные, нередко если и не разбогатевшие, то совсем не бедствовавшие материально, способствовали распространению мнения о Сибири как о крае прекрасных коммерческих возможностей и предпринимательской перспективы. Естественно, среди соотечественников, особенно из числа молодых людей-коммерсантов, желавших обзавестись собственным бизнесом и стать материально самостоятельными, появлялись те, кто смело отправлялся в Сибирь по стопам своих предшественников, твердо зная, на что они идут. Среди таких предпринимателей можно назвать Юзефа Сивиньского, эпистолярное наследие которого недавно введено в научный оборот – его судьба представляет собой, думается, достаточно типичный пример попытки молодого человека из Европейской России наладить за Уралом свое торговое дело и смело пустившегося в рискованный бизнес. В 2013 г. в Польше вышла из печати документальная монография проф. Е. Небельского, в которой публикуется «сибирский архив» Ю. Сивиньского (в основном, эпистолярика), связанный с его предпринимательской деятельностью в Сибири. Благодаря этой публикации в научный оборот введен массив документов, на базе которого мы можем выстроить модель коммерческого поведения поляков в Сибири второй половины XIX столетия. Думается, путь Сивиньского был достаточно типичен для определенной группы сибирских предпринимателей

не только польского происхождения, видевших здесь благодатное поле для развертывания бизнеса, приобретения капитала. Сегодня необходимо, чтобы указанные материалы стали предметом научного достояния и в России, так как они призваны помочь исследователям истории купечества и коммерции более объективно и полно взглянуть как на явление предпринимательства поляков в Сибири, так и на сам процесс развития бизнеса и торговли в крае.

Юзеф Сивиньский родился 10 марта 1845 г. в семье Яна и Терезы Сивиньских; Я. Сивиньский служил управляющим имением помещиков Гурецких в Уяздове, расположенном на запад от Старого Замостья [3, с. 21]. В семье было несколько детей: приемная дочь Евгения, родившаяся в 1841 г. (примечательно, что молодые родители удочерили ее до рождения собственных детей), Ян (род. 1842), Антонина (род. 1847), Ян Александр Бенедикт (род. 1851 и прожил только год), Эдвард (род. 1853). Об учебе детей Сивиньских точных данных нет; точно известно лишь то, что они брали как домашние уроки, так и посещали школу – уровень их образования, судя по письмам, можно считать средним, а Ян даже успел получить специальность фельдшера. Но тут началось Январское восстание – и старшие братья Ян и Юзеф практически сразу же оказались в вооруженном отряде, 24 августа 1863 г. они участвовали в сражении под Файславицами. Сначала родные были уверены, что оба они там и погибли, но выяснилось, что Ян и Юзеф ранены и сидят под стражей в Люблине. Мать не успела их выкупить, к моменту ее приезда в город пленных уже перевели в Варшаву. В результате братья попали под суд – Ян был сослан на несколько лет в арестантские роты в Европейскую Россию с последующим поселением в Сибири, а Юзеф зачислен в российскую армию [3, с. 25–28]. Тем временем в конце 1863 г. умер отец – глава семейства, мать осталась с двумя детьми, и опорой для нее стала воспитанница Евгения, к тому времени уже вышедшая замуж за Ф. Ковиньского, служащего в имениях гр. Кицкого. Евгения была любимой сестрой братьев Сивиньских, и теперь мачеха с оставшимся семейством поселилась у нее в доме. Это была очень дружная семья, все члены которой помогали друг другу – позже именно Евгения снабдит Юзефа деньгами для поездки в Сибирь, и именно к ней обращены многие его сибирские письма [3, с. 30–31].

В декабре 1870 г. Юзеф был уволен из Рязжского полка, где служил. В 1872 г. он получил разрешение поступить на государственную службу в Варшаве. Тем временем его младший брат Эдвард занимался торговлей, получив призвание к коммерции еще будучи подростком, когда служил в лавке у бакалейщика. В 18 лет Э. Сивиньский поступил в гильдию в Люблине и начал собственное дело – торговлю вином и пряностями. Через год (1873) семейство постигло новое несчастье – умерла мать, сестра Антонина осталась без поддержки, а в Сибири также вдали от родных жил Ян, здоровье которого пошатнулось в ссылке – о нем было известно лишь то, что он женился на россиянке. У Юзефа тоже появилась невеста – Хелена Денар, дочь помещика, но, естественно, его материальное положение пока не позволяло жениться.

Родных очень сильно беспокоила судьба Яна; и, чтобы поддержать его, а также и обрести необходимый для женитьбы капитал, Юзеф, не долго думая, решил попытаться счастья в Сибири. К тому же, коммерческие успехи Эдварда вдохновили и его на выбор бизнеса как дела своей жизни. Ян писал письма родным, приглашал к себе Юзефа и обещал ему в Сибири лучшую жизнь и новые возможности [3, с. 31–34]. К тому же, слабое здоровье Яна заставляло его просить брата об опеке над его «сибирской» семьей. И вот, простившись с родными, Ю. Сивиньский уехал на восток, имея в планах начать собственное дело. Также он намеревался, составив первое достаточно приличное состояние, вызвать к себе Хелену и жениться на ней. Перед отъездом он написал посвященное невесте прощальное стихотворение, начинающееся со слов: «Еду далеко, навсегда быть может...» [3, с. 35] Впрочем, уже тогда становилось ясно, что следовать за женихом Хелена не торопится.

Сохранился список вещей и документов, которые взял с собой Юзеф в Сибирь. Показательно, что он брал только личные вещи и не очень много денег – 200 руб. собственных сбережений плюс к ним еще занял 80 руб. у брата Эдварда, которые намеревался позже вернуть – либо лично, либо через брата Яна (в случае каких-либо непредвиденных обстоятельств, «если счастливо не доберусь до Сибири») [3, с. 209–211]. Этот подробный и обстоятельный список очень любопытен с точки зрения истории повседневности («сибирский багаж» путешествующего на восток, подготовка к столь дальней дороге), но для нас в ракурсе темы статьи он интересен прежде всего тем, что Юзеф не брал с собой вообще никаких товаров, никаких капиталов; то есть он ехал для того, чтобы начать дело буквально с нуля на новом месте, рассчитывая лишь на свою предприимчивость и таланты.

В своих силах он был очень уверен, ощущая себя настоящим хозяином положения – и это важные штрихи к портрету молодого сибирского предпринимателя, более знакомые нам, скорее по литературе и кинематографу (образ молодого Прохора Громова из «Угрюм-реки» В.Я. Шишкова и одноименного фильма). Те положительные черты смелого и инициативного первопроходца, увековеченные Шишковым, мы без труда найдем в письмах Ю. Сивиньского – это, несмотря на молодость и бедность, уверенный в себе человек, твердо стоящий на ногах и готовый своими руками построить свое будущее. Еще в самом начале своего путешествия он написал родным: «...Я здоров, как арабский скакун, силен, как африканский лев, быстр, как польский лис, и хитер, как туркестанский тигр» [3, с. 78]. Такое шутовское «самоопределение», конечно же, говорит о многом в характере этого человека.

Из Люблина Ю. Сивиньский выехал в начале июля 1873 г., в Тулун – конечный пункт своего путешествия – прибыл 4 августа. В плане описания путешествия в Сибирь (дорога, в том числе и паромом по сибирским рекам, ее обстоятельства, транспорт, природа, города, население и т.д.) очень интересно письмо Юзефа из Томска от 26 июля 1873 г. 17 июля в Тюмени он

сел на пароход купца Колчина «Рейтера». Показателен его положительный настрой, открытость новым впечатлениям, он пишет о Сибири, крае, с которым он связывал все надежды на свое лучшее будущее, с долей подлинного восхищения. В пути он наблюдал разлив Оби и Иртыша, красочно описав «удивительный вид» протянувшегося «на сто миль» «морья», удостоив явление эпитетом «чистая Венеция»; также Ю. Сивиньский пишет и о своих впечатлениях от Тобольска, Нарыма и Томска [3, с. 77–79].

В Тулуне он встретился с семейством брата: Ян был женат на вдове (в письмах Юзефа она фигурирует как «Олеся»), женщине немного старше его, принадлежавшей, судя по всему, к прослойке мещан, близкой к местной интеллигенции – ее дочь уже была замужем за учителем и проживала в Нижнеудинске, старший восемнадцатилетний сын готовился к экзамену на сельского педагога, а младший, десяти лет, еще учился в школе. Встретившись с семейством брата, Юзеф, как отмечает Е. Небельский, пожалел, «что не попробовал договориться со своей Хеленой – а могли бы в Сибири быть уже вместе» [3, с. 39]. Брат жил в собственном большом доме, полученном за женой, сдавая еще несколько комнат польской семье. О культурном уровне их жизни косвенно может свидетельствовать то, что квартиранты имели фортепиано, скрашивавшее досуг всех, в том числе хозяев и их гостей. В Тулуне проживало достаточное количество поляков, далеко не все из них были ссыльными (сам Ян уже не относился к этой категории). Помимо дома Ян с женой владели небольшим наделом земли, на котором выращивали картофель, капусту, гречку, а также лук и чеснок [3, с. 40, 104].

Сразу же отметим, что оставленная в Польше невеста, вернее сам факт «несвободы» Ю. Сивиньского сыграл отрицательную роль в его судьбе. Долг и обязательства (да и сама любовь к Хелене спустя годы разлуки превратилась уже в своеобразный «долг») связали руки молодому предпринимателю. Между тем, в Сибирь стоило отправляться свободным, это давало дополнительные возможности не только для устройства личного счастья, но и для того, собственно, за чем он ехал в дальний край. Истина открылась уже в самом начале пути – на пароходе из Тюмени в Томск Юзеф знакомится с богачкой-купчихой Исаевой и ее восемнадцатилетней дочерью Варварой – красавицей, на которой он бы непременно женился... если бы не Хелена. Ю. Сивиньский с нескрываемым восторгом пишет о «Басе» своим родным, но, будучи обязанным хранить верность невесте, с некоторой досадой отказывается от продолжения знакомства с домом Исаевых, хотя Варвара оказала ему явные знаки внимания [3, с. 79]¹. Между тем, именно женитьба на богатой сибирской девушке из купеческой среды могла бы стать для Сивиньского неопределимым шагом в жизни, социальным скачком (лифтом) – благодаря такому браку он бы стал «своим» в сибирском купеческом мире, а его отличные деловые качества, помноженные на капитал жены, принесли бы

¹ Предположительно, Варвара могла быть дочерью томского купца 1-й гильдии Александра Степановича Исаева, виноторговца [4, с. 276].

быстрые плоды. Но, видимо, в этом судьба не благоволила Юзефу, или, что вернее, он сам не понял веления судьбы. Он не нашел в себе духа порвать с невестой, которая не спешила ехать к жениху и занимала двусмысленную позицию [3, с. 84]. Бесспорно, эти личные обстоятельства сыграли самую плачевную роль в его жизни. Тем более, в одном из писем он прямым текстом написал, что видит «гораздо больше отличных жен из числа русских женщин, нежели полек или других» [3, с. 82]. Также одну из причин такого «выжидания» Хелены Юзеф, вероятно, справедливо, предполагал и в том, что она хочет соединить свою судьбу не с ним, а с «его империалами». И если бы он вдруг неожиданно быстро разбогател, то девица бы незамедлительно отправилась в Сибирь [3, с. 117]. Но даже горькое осознание этой истины не отталкивало его от невесты... В это же время Юзеф прекрасно понимал важность формирования в Сибири семейного клана как основы для своей жизни – уже в одном из самых первых писем из Тулуна к родным он строит планы приезда не только Хелены, но вместе с ней и своей младшей сестры Антонины, подчеркивая, что здесь она может не только безбедно жить в кругу родных, но и при желании найти хорошую денежную службу, соответствующую ее образованию [3, с. 85–86]. К сожалению, родные так и не нашли в себе смелости принять это предложение. И через полтора года после отъезда в Сибирь Юзеф с горечью написал, вместе с тем продолжая надеяться: «Впрочем, сдается мне, что есть масса доводов быть готовым к тому, что желанная моя Хелена уже наверняка может моей не быть...» [3, с. 117]¹.

¹ Эта ситуация несколько корректирует стереотипы о польках как безусловных и жертвенных героинях, ехавших в Сибирь за мужьями и женихами в добровольное изгнание. В нашем случае речь идет даже не о необходимости следовать за ссыльным родственником. Здесь мы видим нежелание просто поддержать братьев и жениха, решивших начать в Сибири бизнес, и переехать в Тулун на вольное и обеспеченное житье. Хелене и Антонине предлагалось отправиться не в безывестность, а выбрать жизнь в достатке, в собственном доме, в дальнем краю им был обеспечен даже относительно культурный быт и общество соотечественников. Думается, что подобное поведение было не исключением, это определенная модель поведения польских женщин, возможно, даже очень типичная, но не освещенная в историографии по той причине, что несколько не вписывается в ее догматы. Итак, что мы видим? Юзеф Сивинский отправляется в Сибирь, чтобы, в конечном итоге, способствовать освоению края, но ни невеста, ни сестра не следуют за ним. Сестра так и не прислушалась к совету своих «сибирских» братьев, что в далеком краю ей уготована лучшая судьба – в конечном итоге, они оказались правы, ее жизнь в Польше сложилась весьма печально. Невеста же заняла чисто выжидательную позицию, связав при этом Юзефа кабальными обязательствами. Ясно, что она никогда не отправилась бы в Сибирь, а их брак состоялся бы лишь в том случае, если бы разбогатевший Ю. Сивинский вернулся домой с солидным капиталом.

Еще проезжая Сибирь, Юзеф оценивал перспективы своего будущего бизнеса, неизменно отмечая, что здесь существуют огромные возможности для предприимчивых людей. От брата он узнал поподробнее о коммерческих перспективах в Тулуне, о чем сообщал Эдварду. Он писал ему буквально следующее: «Пожалуйста, не сердись на меня, но должен тебе открыть, что ты еще не имеешь вообще никакого представления о торговле, несмотря на то, что торгуешь». В доказательство он приводил впечатляющие цифры прибыли и торговых оборотов местных купцов. В Тулуне, по свидетельству Юзефа, находилась масса магазинов, три из них принадлежали купцу-итальянцу, который торговал на 50 тыс. руб. в год, а при удачном раскладе – до 100 тыс. Другой пример – «купец из Удинска», занимающийся винокурением, имеющий до 5 млн руб. капитала [3, с. 41]. Да и бывшие ссыльные повстанцы 1863 г., осевшие в Тулуне и занимавшиеся самым мелким предпринимательством, имели в год дохода по 1 тыс. руб. и более. «Истинно, что здесь каждый рубль создает второй», – писал Ю. Сивиньский [3, с. 92]. Естественно, что у братьев Яна и Юзефа сразу же возник конкретный план семейного бизнеса, к которому они, конечно же, собирались привлечь и Эдварда, оставшегося в Польше. Интересно, что, при всем при этом, Тулун, как отмечает Е. Небельский, особого впечатления на Юзефа не произвел – он оценил его как обычную «деревню», только более красивую и развитую в торговом отношении, чем его родной Красныстав [3, с. 40]. Тем не менее, коммерческие перспективы в новом месте его обитания открывались просто безграничные. Для начала же он брался посвятить Эдварда в некоторые «тайны» сибирской торговли, показать ее уровень и размах – это для того, чтобы он не удивлялся и не противился их с Яном планам. А в общих планах было следующее – не 10 и не 20 процентов прибыли, а 100 или даже 200. Вместо взятых в долг 80 руб. он намеревался отослать сразу 800, лишь только пустит в оборот свой первый капитал (520 руб.). Сибирь казалась ему краем, где «можно срывать золотые яблоки» [3, с. 42, 83].

К исходу сентября Ю. Сивиньский уверенно констатировал, что останется в Тулуне надолго. Он писал родным, что не оставит Сибирь до тех пор, «пока хорошенько не набьет свои карманы» и ни за что не вернется назад, чтобы жить в бедности [3, с. 117]. По-прежнему практически в каждом письме Юзеф упорно звал к себе сестру, уверяя, что и женщина может прекрасно заработать и самостоятельно устроиться в Сибири, даже заняться бизнесом. Братья Ян и Юзеф планировали начать собственное дело с мелкой торговли, в основном, галантерейной, а позже переключиться на сбыт драгоценных камней и пушнины. Для начала Эдвард, согласно указаниям Юзефа, должен был закупить в Варшаве партию товара и переправить его в Тулун, сюда входили предметы одежды, белье, дамская и мужская галантерея, элегантные аксессуары. Братья рассчитывали на двойную прибыль и с нетерпением ожидали первой посылки [3, с. 42]. Юзеф хотел, чтобы и сестры приняли участие в семейном деле, так как по его расчетам легко можно было получить прибыль «рубль на рубль». В письме от 6 августа 1873 г. он просит их помочь

Эдварду в выборе товара. Юзеф просит купить «варшавские перчатки» и выслать их в две партии. По его мнению, именно на продаже перчаток можно удвоить, и даже утроить капитал, и это не единственный товар, на котором можно хорошо заработать: «...Здесь денег немерено, за все платят в три раза больше, чем у нас, только было бы все красивое и из хорошего материала» [3, с. 83]. Юзеф сообщает важную особенность сибирского рынка, которой, к сожалению, его родственники впоследствии легкомысленно пренебрегли: «Не думайте, что здесь ни о чем не ведают, тут каждый крестьянин лучше, чем наш горожанин, во всем на свете разбирается, а так как денег до кучи, то платят вдвое против цены, только была бы каждая вещица чудесна, приятна глазу и качественна» [3, с. 83]. И особо подчеркивает, чтобы весь присылаемый товар был «элегантный, богатый и шикарный», потому что придется иметь дело с покупателями, являющимися «хорошими знатоками» [3, с. 83]. Забегая вперед, отметим, что, к сожалению, с галантереей все сложилось не так удачно, как рассчитывал Юзеф. Причиной тому стало невнимание к указанному выше важному обстоятельству, и опасения подтвердились. «Наверняка Эдвард не смотрел в мое письмо, как я ему все описал», – сетовал Ю. Сивиньский [3, с. 94]. Подобное легкомыслие впоследствии неблагоприятно отразилось на продаже почти всех полученных из Польши товаров. Впрочем, это было не единственное направление бизнеса Сивиньских – пока почта медлила, они занялись водочной торговлей: в собственном доме оборудовали помещение для очистки спирта и начали поставки в тулунские питейные заведения. Уже за первый неполный месяц производства Юзеф заработал 40 рублей – сумму, конечно, небольшую, но для начала вполне порядочную. Водку у них покупали несколько кабатчиков, но конкуренция в маленьком Тулуне была значительная – подобных производителей оказалось порядка восьми! Именно поэтому Юзеф просил прислать ему из Польши рецепты сладких водок и наливок от известных люблинских виноторговцев Веттеров. В 1874 г. братья по-прежнему торговали водкой, но в планах появилось также и устройство маслодельни. Деньги пока зарабатывали невеликие, но вполне достаточные для безбедного существования.

Единственным, что омрачало их жизнь, было ухудшающееся здоровье Яна, заболевшего астмой, что начинало серьезно отражаться и на семейном бизнесе. Тем не менее, сам больной не думал оставлять своих занятий, прекрасно понимая, что, лишь заработав состояние, он сможет обеспечить себе хорошее лечение. 18 августа 1873 г. Я. Сивиньский в сопровождении супруги отправился в Иркутск, чтобы получить консультацию тамошних врачей, привез много новых лекарств – но все это мало помогало... Юзеф, надеясь на новые доходы, планировал отправить его на лечение в Польшу либо же в один из российских городов. Стоит отметить, что трудно разделить мнение Е. Небельского, отметившего отсутствие поддержки во время болезни Яна со стороны его жены, а также, в целом, подчеркнувшего негативный фактор в его судьбе, связанный именно с «русской семьей» и вступлением в

брак в Сибири [3, с. 43–45]. Напротив, при анализе писем Ю. Сивиньского, можно заключить как раз обратное – крепость семейных отношений Яна и Олеси, любовь и взаимопонимание между супругами – ведь не случайно Юзеф собирался вызвать в дом брата, в котором он проживал в новом родственном кругу, сестру и невесту. Будь отношения в семье Яна напряженными, неприемлемыми для него в том или ином отношении, он никогда бы не решился на такой шаг. Особенного внимания заслуживает и то, что, ближе познакомившись с Олесей, он просил прислать по ее просьбе на память что-либо из вещей горячо любимой покойной матери, например, платье – что и было исполнено. Семейная реликвия заняла почетное место в сундуках «сибирской невестки» не в качестве элемента гардероба, а как воспоминание о матушке любимого мужа. Да и во многих своих письмах Юзеф называет Олесю не иначе, как «нежная супруга». Ян, предчувствуя свою близкую смерть, очень надеялся, что брат не оставит его семейство и поддержит в трудную минуту [3, с. 121].

К декабрю в Тулун начали приходиться закупленные Эдвардом в Варшаве партии товаров. При вскрытии посылок сразу же выяснилось, что при их реализации могут возникнуть проблемы, так как Э. Сивиньский недооценил возможности сибирского рынка, не предполагал его реалий, а советами «сибиряков» пренебрег. Он спешно и дешево закупил вещи не самого лучшего качества, либо недостаточно элегантные, уже вышедшие из моды, думая, вероятно, что в отдаленной Сибири залежалый товар можно будет неплохо сбыть. И вот какие претензии высказал в ответ на первые pošылки Юзеф: «Эдвард наш, ... хоть и сам купец, прислал все товары наихудшего свойства, кроме перчаток, которые еще победы, и сам на том потерял, потому что, хоть и продадим с прибылью, но, несомненно, была бы большая выгода, если бы отправил все высококачественное. А то, например, выслал те галстуки, что в Варшаве три года пролежали, и которые уже не носят, а цветные сорочки отвратительного качества и безвкусные». Корсеты, присланные Эдвардом, оказались вполне сносными, но Юзеф считал, что их закупочная цена (по 3 руб.) слишком завышена, и на их продаже немного можно выручить. В общем, Ю. Сивиньский был крайне разочарован таким коммерческим партнерством и резюмировал, что брата «совершенно очевидно обманули, и, уж конечно, он не смотрел», как было строго наказано, в его письмо [3, с. 94]. Юзеф так сильно досадовал потому, что на качественном товаре можно было бы заработать «грош на грош», а теперь прибыль оказалась несравнимо меньше, но, тем не менее, ему удалось сбыть эти «абы какие» сорочки по цене в 2 руб. против закупочной в 1 руб. 35 коп.

К тому же товар приходил мелкими партиями, что затрудняло его оптовую продажу, в то время как Сивиньские стремились стать партнерами иркутских магазинов – в небольшом Тулуне было трудно сбыть все присланное. Перчатки, например, пришли в двух pošылках – в одной на правую руку, в другой на левую. Из 800 пар на месте продали только 100, часть из них в два приема вместе с другими товарами была отвезена в Иркутск, хотя «двойная»

поездка оказалась не совсем выгодной, но важно было, чтобы хоть часть товара попала в продажу «к празднику» – Рождеству и Новому году [3, с. 94]. Только к началу июня удалось распродать все перчатки. Из оставшихся 480 пар Юзеф выбрал 80 лучших, которые разошлись по полтора рубля, 400 удалось реализовать только по рублю и то, как он отметил, лишь «перекрестившись левой рукой»: «...Хоть я и смог их сбыть, но почти каждая пара была такова, что уже при первом натягивании на руку перчатка не только лопалась, но разлеталась на клочки...» Порой в письмах к родным Юзеф не скупился на эпитеты в адрес качества товара и коммерческой смекалки Эдварда, сетовал, что брат не прислушался к его советам, а однажды назвал всю эту историю с присылкой товаров из Польши просто «свинством» [3, с. 109].

В начале июня из непроданного оставалось 11 тонких белых сорочек с гладкой манишкой (Ю. Сивинский предлагал их по 3 руб. 50 коп., больше взять было нельзя, против закупочной цены в 3 руб.), две цветных и два галстука [3, с. 109]. В конце концов, с трудом распродав партию товара, Юзеф решил более не рисковать с поставками из Варшавы, мало отвечавшими запросам сибирского рынка. По следам этого первого не совсем удачного предприятия он негодовал еще долго, и даже спустя полгода эмоционально выражал досаду в семейной переписке, сокрушаясь, что Эдвард послушался тех, кто наверняка внушил ему, что «в Сибири ни о чем не имеют понятия»: «... Он не придал внимания тому, о чем я ему писал много раз и сейчас то же самое повторю, что здесь платят только за все добротное, требуют отличного качества товара, равно и отличной работы, и что здесь любой крестьянин лучше во всем разбирается, нежели там у вас масса фанфаронов» [3, с. 109]. От планов по торговле мехами он также решил отказаться, как и от дальнейшего сотрудничества с Эдвардом, почувствовав, что толку здесь не будет – они не понимали друг друга по-прежнему, хотя последний был готов и дальше присылать из Варшавы залежалый товар. Юзеф, почувствовав, что ему так и не удастся убедить брата по поводу сибирского рынка, решил просто отослать ему выручку, чтобы дальше уже «быть спокойным» и не иметь с ним никакой совместной коммерции. В общем, прибыль, полученная от «варшавской партии», составила всего около 180 руб. сверх вложенных 620-ти за покупку и пересылку, что, конечно же, было крайне невыгодно по сибирским меркам – Юзеф рассчитывал как минимум на «полгороша на грош», а получилось только «на четверть» [3, с. 109]. Но, если судить объективно, это все равно было неплохо для начала бизнеса – товар, учитывая, что он был очень далек от идеала, удалось полностью реализовать, и даже с небольшим «наваром». В целом же, дела Юзефа были не так уж плохи – в конце 1873 г. он уже смог помогать сестре Евгении в воспитании детей, взяв на себя часть расходов (60 руб. в год и более) по содержанию гувернантки [3, с. 46]. И впоследствии, вплоть до отъезда из Тулуна, несмотря на все трудности, ему удавалось удерживать свой ежемесячный стабильный доход на уровне 40 руб., при этом часть капитала, помимо этих денег, всегда

неизменно находилась «в обороте» [3, с. 110]. Осенью 1874 г. Ю. Сивинский пробовал свои силы на рынке продовольствия, закупая и продавая рожь. Хлебной торговлей, поставками зерна, более или менее выгодными для себя, он занимался вплоть до своего отъезда из Тулуна [3, с. 112, 118].

Весной и летом 1874 г. самочувствие Яна резко ухудшилось – он едва мог вставать с постели на два часа в день с тем, чтобы потом несколько суток вообще лежать без сил. На семейном совете было решено отправить его в Минусинск для лечения кумысом. На эту поездку ушли практически все наличные деньги братьев (600 руб. за само лечение и 600 руб. на дорогу и проживание), почти весь капитал кроме тех сумм, что были в обороте – 6 июня Юзеф смог отправить сестре Антонине ко дню ее рождения только лишь 10 рублей... [3, с. 107] Но поездка, в которую Ян отправился вместе с женой, не принесла облегчения больному, и через два месяца в конце сентября он вернулся в Тулун уже при смерти больным – Юзеф с горечью описал его безнадежное состояние: «кожа и кости», постоянное мучение от боли и уже почти полное отсутствие сознания. Также он писал, чтобы родные уже смирились с мыслью о неизбежной потере... Самому ему было теперь вдвойне труднее у постели умирающего еще и потому, что семейный бизнес приходилось вести совершенно одному, без всякой поддержки. В одном из писем к Эдварду Юзеф даже высказал горькое разочарование по поводу своего решения стать сибирским предпринимателем, но, как отмечает Е. Небельский, «позже уже никогда так не писал» [3, с. 52]. Ясно, что это было сказано в минуту горечи и отчаяния. Юзеф так тяжело переживал смерть брата, что смог сообщить об этом родным только через 10 дней после его кончины, Ян умер 19 октября 1874 г., спустя чуть больше года после приезда брата в Сибирь [3, с. 115].

Долгая и тяжелая болезнь и смерть Яна подорвали финансовое положение как его семьи, так и Юзефа. Только за последний год на его лечение было потрачено около 2 тыс. рублей. Эта сумма «съела» почти все доходы по бизнесу, но, хуже всего было и то, что пришлось еще взять займы 1500 руб., которые остались векселем «по Яну». Юзеф выступал поручителем по долгу, поэтому после смерти брата погасил его за счет своей прибыли – «всего того, что выручил от торговли» к концу 1874 г. [3, с. 115] Со всеми кредиторами он расплатился к концу января 1875 г. и 2 марта покинул Тулун, впрочем, увозя с собой вовсе не скромные остатки заработанных денег, а целых 500 руб.! Так неожиданно и драматично закончилось семейное предпринимательство братьев Сивинских. Но, оставшись в одиночестве, Юзеф не думал сдаваться – он двинулся на запад из Тулуна еще не зная, где точно доведется остановиться – там, где подвернется «что-то стоящее»: «Где задержусь или не задержусь, то ничего еще сам не знаю..., может быть, останусь в Сибири, если нет – то поеду в Россию, а может так случиться, что и в Польшу, но, скажу честно, что туда нет большого желания, потому что прекрасно мне известно, как тяжел в Польше кусок хлеба...» [3, с. 118] «Я ...так полубил Сибирь, что до тех пор ее не покину, пока хорошенько не набью свои карманы», –

шутливо писал он сестре, готовясь в новый путь. И продолжал: «Возвращаться назад, к вам, и терпеть нужду, уповая на милости Св. Антония¹, я не собираюсь» [3, с. 117]. Конечно, в ряду причин, толкнувших Юзефа на отъезд из Тулуна, было его одинокое положение – если бы он был женат на Хелене Денар, имел бы собственное семейное гнездо и, тем самым, прочно стоял на ногах, то, конечно же, он никуда бы не отправился на новые скитания и поиски счастья, а продолжил начатый бизнес.

В Красноярске Сивиньского постигло новое несчастье – кража 500 руб. денег, а также личных вещей стоимостью 200 руб., кроме того пропали письма и другие бумаги. Как подозревал Юзеф, это было делом рук местных почтальонов. Полиция начала следствие, но злоумышленников так и не нашли. «Так два года моих трудов сгинули и пропали в одну минуту», – с горечью констатировал Юзеф. Зато теперь у него не было соблазна, как он сам признавал, вернуться на родину – а, будучи при деньгах, его сердце могло бы дрогнуть... [3, с. 120] После вынужденной задержки на 28 дней Ю. Сивиньский отправился в Томск, причем из-за пустого кошелька часть дороги пришлось пройти пешком! Здесь ему предстояло принять решение, что делать дальше – планы коммерческой деятельности не изменились, Юзеф размышлял лишь над тем, продолжить ли путь на запад или поехать искать счастья на Амуре, на новых землях. Но неожиданно молодой человек получил выгодное предложение службы по найму – на заводах А. Поклевского в Шадринске. Судя по всему, эта вакансия открылась для него по рекомендации хорошо знавших его деловых людей. Широкий круг друзей и знакомых Ю. Сивиньский составил еще в Тулуне и Иркутске в большой степени благодаря своим предпринимательским интересам. Это служило ему хорошей основой в делах, а также, благодаря среде своего общения, он пользовался неплохой репутацией именно среди деловых людей. Служба, пусть и по найму, но с хорошим жалованием и у крупного капиталиста, была достаточно выгодна – во-первых, благодаря ей можно было накопить сумму, достаточную для открытия собственного дела, во-вторых, это было хорошей профессиональной школой для начинающего коммерсанта.

Дождавшись начала навигации, Ю. Сивиньский отправился к новому месту службы, уже 1 июня был в Шадринске, а на третий день после приезда приступил к исполнению обязанностей в конторе Поклевского. Размах его бизнеса вызвал искреннее восхищение молодого человека: винокуренные заводы с гигантским производством, добыча золота и железной руды, а также планы строительства железной дороги от Перми до Тюмени; торговые операции Поклевского охватывали несколько губерний Западной Сибири и Европейской России. О хозяине Юзеф отзывался как о человеке благороднейшем и достойнейшем, «каких мало». Поначалу он получил жалование в размере 25 руб. с обещанием скорого перевода на лучшее место с большим заработком. Оценивая перспективы новой службы, Ю. Сивиньский

¹ Св. Антоний Падуанский – католический святой, покровитель бедных.

рассчитывал на доход до 1000 рублей в год [3, с. 54–55]. В Шадринске проживали обеспеченные и культурные польские семейства, и, встретив в обществе нескольких потенциальных невест, Юзеф вдруг вспомнил о «своей» Хелене, которой не писал целый год. И как раз в этот момент его неожиданно настигло суровое послание подруги – Хелена гневалась и высказывала претензии по поводу долгого молчания. Ее письмо сильно смутило Юзефа, испытывая чувство вины и не будучи в силах наконец-то разорвать эту бесполезную связь, в ответ он стал просить сестру Евгению стать за него ходатаем перед своенравной девицей, поступавшей очень эгоистично. Возможно, именно отказавшись во второй раз от женитьбы в Сибири, Юзеф подписал себе приговор – неустроенное холостяцкое существование, полное одиночество после смерти брата и отъезда из Тулуна, отсутствие удобного домашнего быта и родственной поддержки – рано или поздно такой образ жизни должен был дать о себе знать, хотя можно было бы все исправить, раз и навсегда решительно порвав с невестой.

Дела на службе обстояли лучше личных – 1 августа Ю. Сивиньский был переведен А. Поклевским в Талицу, свою основную резиденцию. Он начал служить в главном правлении заводов с содержанием в 360 руб. годовых. Также хозяин планировал назначить его либо управляющим одного из своих торговых складов, либо дать ему место бухгалтера в финансовой конторе. В самом начале октября 1875 г. Сивиньский выехал в Екатеринбург в качестве «ревизора при торговых оборотах». Город ему очень понравился, единственным минусом стало вдруг пошатнувшееся здоровье, что было следствием напряженной службы, не оставлявшей ни минуты для отдыха. А. Поклевский повысил ему содержание до 35 руб. в месяц, но этого явно не хватало для жизни – только квартира вместе с обедами обходились Ю. Сивиньскому в сумму до 25 руб. [3, с. 56–57] Он начинает подумывать о дополнительных заработках и о том, чтобы в перспективе наладить свой собственный бизнес. Его быстро захватывает старая идея наладить торговлю драгоценными камнями, прибавив к ним уральские самоцветы, и этими планами Юзеф пытается увлечь брата Эдварда, ставшего к тому времени крепким предпринимателем средней руки – виноторговцем и держателем гостиницы [3, с. 58]. В начале 1876 г. Ю. Сивиньский все еще наивно надеялся на приезд Хелены, но она, по-видимому, уже вовсе не имела намерений отправиться в Сибирь и, напротив, упорно звала жениха домой. В ответ на это Сивиньский с долей юмора написал, что вернется не ранее, когда у него будет 100 тыс. руб., пока же имеет лишь «9999», не хватает самой малости [3, с. 60]. Таким образом, подтвердились его худшие опасения, высказанные еще в конце 1874 г. в письме из Тулуна, что можно было бы предполагать изначально, «что Хелена ни за что бы в Сибирь не поехала» [3, с. 117].

Весной 1876 г. он написал Евгении, что хочет покинуть Екатеринбург и оставить службу у Поклевского, так как она не оправдывает его ожиданий. Но, судя по всему, хозяин не захотел расстаться со своим служащим и постарался сохранить его в штате – в конце августа Ю. Сивиньский по-

прежнему служил у того же Поклевского, но уже бухгалтером в Камышлове с годовым жалованием в 500, а позже и в 600 руб. Это было очень неплохо; вероятно, помимо жалования Ю. Сивинский занимался и собственными коммерческими оборотами, так как жил теперь на широкую ногу, что чувствуется по его письмам, но плохо было то, что он серьезно заболел – врачи констатировали чахотку, которая приняла скоротечное течение. Тем не менее, Юзеф не собирался сдаваться. Он активно лечился, не думал о худшем, надеясь на Бога и Его волю. Даже тяжело больной, одинокий, он не собирался падать духом и не думал о возвращении домой, мужественно и стойко перенося свое положение. Поклевский увеличил ему жалование до 50 руб. в месяц и, надо отметить к его чести, платил эти деньги даже тогда, когда совсем больной Юзеф уже не мог служить. Поразительно, но даже последние письма тяжело хворавшего Ю. Сивинского полны оптимизма и надежды на лучшее будущее.

В Камышлове он снова начинает строить планы женитьбы на Хелене, о чем пишет своим родственникам, все еще надеясь на ее приезд – именно сейчас, когда он, наконец-то, более-менее крепко встал на ноги. Его материальное благополучие должно было стать веским аргументом для возлюбленной в пользу замужества. Однако теперь препятствием к свадьбе становятся уже не деньги, а серьезно пошатнувшееся здоровье Юзефа. Он начинает лечиться у лучших местных докторов и не жалеет средств, но уровень тогдашней медицины вряд ли оставлял малейшую надежду... Пользование минеральными водами, кумысом, диеты уже вряд ли могли помочь. В марте 1877 г. Сивинский в последний раз пишет сестре Евгении о Хелене, просит передать, что по-прежнему «любит и любил» ее, но, к сожалению, страшный недуг дает немного шансов на жизнь. Еще зимой он разослал всем родственникам свои фотографии – чтобы не забывали о нем... [3, с. 62] Тем не менее, на протяжении всей своей болезни Юзеф не оставлял служебных и коммерческих занятий, только в феврале и марте 1878 г. он уже не смог работать. Врачи рекомендовали немедленную смену климата, просили рассмотреть возможность возвращения на родину, хотя сам больной даже в таком отчаянном положении не допускал подобной мысли – если менять место жительства, то только на юг Сибири или Оренбургскую губернию, а ехать лечиться лишь в Крым или на Кавказ. Основной причиной нежелания возвратиться домой, как он сам писал, было то, что в Сибири он привык «к лучшей жизни», к достатку, к прекрасному столу, и не собирался всего этого терять. С долей иронии Юзеф отмечал, что дома он умрет еще быстрее [3, с. 63].

Весной 1878 г. он сообщил Евгении, что больше не доверяет местным врачам, «выбросил за окно» все дорогостоящие микстуры и порошки и обратился за помощью к местной знахарке, которая теперь его лечит – и Юзеф надеялся на ее помощь... Этот шаг говорит о многом – прекрасно осознавая, насколько серьезно его положение, и что медицина в данном случае бессильна, он все равно продолжает бороться, хватаясь за различные спасительные средства. Поразительна железная воля этого человека, его

несгибаемый характер. Но... осень 1878 г. стала последней в его жизни – уже в начале ноября Юзеф перестал выходить из дома, ужасная слабость приковала его к постели. Он снова принимает помощь лучших местных врачей – ссыльного после 1863 г. Ф. Миссино и доктора Булдакова. Медики открыто говорят ему о неминуемой смерти, но, видя в больном твердость духа, продолжают лечить его и надеяться вместе с ним. Родные принимают живое участие в его судьбе – им даже удается выслать из Польши необходимые лекарства, но... чуда не произошло. Юзеф Сивиньский, на что указывают все косвенные данные, скончался от скоротечной чахотки в Камышлове. Последнее его письмо датировано 22 января 1879 г., ему еще не исполнилось 34-х лет... [3, с. 65–66] Позже родные пытались найти его след, что-то узнать о его судьбе, но безуспешно.

Казалось бы, жизнь Ю. Сивиньского – жизнь «маленького» человека, может ли его судьба заинтересовать кого-то сегодня? Но в том-то и дело, что его путь, думается, во-многом типичен для коммерческих первопроходцев Сибири. Он был одним из многих, и именно это очень ценно. Большой удачей для историков является сохранившийся архив Сивиньского, его эпистолярика – это не только источник по истории сибирского предпринимательства, но и памятник, позволяющий описать менталитет молодого сибирского «делового человека» того времени, воссоздать его личность. Прежде всего, в данном ракурсе интересен психологический портрет Ю. Сивиньского, его характер. Можно сказать, что его фигура является усредненным образом для воссоздания типа польского предпринимателя в Сибири – возраст, социальное и материальное положение, уровень образования, даже «повстанческое» прошлое, думается, были общими характеристиками для многих из этого числа. Обратим особое внимание и на то, что Ю. Сивиньский происходил из близкой к предпринимательской сфере среды – из семьи управляющего, а его брат, оставшийся в Польше, был купцом, сохранившим бизнес на всю жизнь. Важно и то, что в коммерческих планах братьев Сивиньских в Сибири было создание семейного дела. Но подчеркнем, что тип Ю. Сивиньского прежде всего надэтничен. Он впитал в себя все, что было свойственно вообще всем без разбора национальной принадлежности предпринимателям в мультиэтническом пространстве Сибири. Здесь мы имеем дело с типичным проявлением имперского сознания, когда, не теряя национальной идентичности, человек ощущает себя гражданином многонационального государства и именно с этих позиций проявляет себя на жизненном поприще, в том числе и в деле освоения Сибири, в нашем случае – торгово-экономического. Типаж Ю. Сивиньского добавляет несколько характерных черт к собирательному образу молодого сибирского предпринимателя пореформенной эпохи, и в этом, безусловно, заключается главная ценность опубликованных документов к его биографии. Свое жизненное кредо, общее для многих, подобных ему сибирских первопроходцев, он выразил словами: «И покуда есть здоровье и сила, то не стоит думать ни о чем, лишь твердо держаться одного девиза – вперед...» [3, с. 119]

Итак, возвращаясь к психологическому портрету молодого предпринимателя – на примере Ю. Сивиньского мы видим, с какими тяжелыми обстоятельствами ему приходится сталкиваться – это может быть получение некачественного товара, тяжелая болезнь и смерть брата-партнера по бизнесу, уплата долгов, наконец, кража личного имущества и заработанных денег в дороге, собственная смертельная болезнь... Но, тем не менее, этот человек не сдается – нет денег на дорогу, он в буквальном смысле идет пешком к своей цели и добивается своего, пробует различные пути в коммерции, до последней черты борется с хаотикой и надеется победить... Где же черпал силы молодой коммерсант – одинокий, без серьезного капитала, без связей. Личного мужества и умения находить выход, не отчаиваться здесь было мало; и ответ простой – думается, мы не ошибемся, если назовем этот источник главным для большинства подобных Ю. Сивиньскому представителей деловой среды. Это полная и доверительная вера в Бога, в Его помощь и Его промысел. В самом деле, а на что было еще надеяться и опираться подобным Сивиньскому людям? Доказательств тому мы можем найти массу в его письмах. Но сразу обратим внимание на реестр вещей, взятых в Сибирь, где среди важнейших пунктов – распятие, молитвенники, иконы и фигурки святых. В первом же письме из Тулуна Юзеф пишет, что для осуществления всего задуманного ему нужна, помимо сильной воли и терпения, «прежде всего, сильная вера и упование на Бога», а также и то, что он «ежедневно не забывает благодарить Бога» [3, с. 81]. По письмам Ю. Сивиньского явно чувствуется, что он был практикующим католиком в полном смысле этого слова, посещение храма и молитвенное правило не были для него формальными обязанностями. Вера в Божественный промысел придавала смелость в начинаниях, Юзеф учился избавляться от гордыни и никогда не роптал на Бога и судьбу, даже в самых критических, смертельных обстоятельствах. Вера в Божественную защиту помогала по многу раз начинать все с начала, а со временем это качество превратилось в жизненный навык, своеобразное «возрождение из пепла» – отличительное умение сибирского купца. Модель коммерческого поведения Сивиньского достаточно гибкая – он не загоняет себя в жесткие рамки определенного профиля бизнеса, он готов к любой предпринимательской деятельности, в том числе и службе по найму в торговле или промышленности. Но, конечно, идеальная для него модель – бизнес собственный, и он пробует себя в галантерейной и хлебной торговле, винокурении, строит планы наладить сбыт мехов или драгоценных камней, размышляет об устройстве собственной маслодельни...

Уже хорошо известно, что в середине XIX в. в Сибирь отправлялось достаточно внушительное число молодых людей из западных губерний искать счастья на государственной службе; в основе их выбора лежали различные мотивационные предпосылки, но все они рассматривали Сибирь как край новых возможностей [5, с. 147–159]. Риск в их ситуации был, но страховкой служило положение чиновника и жалование – пусть скромный, но надежный источник существования. Теперь мы имеем основание говорить и о другой

группе молодых людей, не имевших этих гарантий, но, тем не менее, смело отправлявшихся в неведомую Сибирь на свой страх и риск, надеясь только на собственные силы и рассчитывая начать здесь карьеру предпринимателя. Без сомнения, эти люди, смелые и деловые, инициативные и крепкие духом, вложили свою лепту в экономическое и культурное освоение Азиатской России. Они внесли свой неоценимый вклад в складывание социально-культурного типа сибиряка, сформировали особую сибирскую ментальность; опираясь на пример первопроходцев края, они стали надежным звеном в цепи, предшествуя будущим покорителям Сибири, уже XX века.

Список литературы

1. Nowiński F. Polacy na Syberii Wschodniej. Zesłańcy polityczni w okresie międzypowstaniowym. Gdańsk, 1995.
2. Kuczyński A. Ludy dalekie i bliskie. Antologia polskich relacji o ludach Syberii. Wrocław, 1989.
3. Siwiński J. «Wracać do Was i klepać biedę nie myślę...». Listy z Syberii 1873 – 1879. Oprac. naukowe E. Niebelski. Lublin, 2013.
4. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 2012. Т. 1. А–Л.
5. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002.